

Общая газ. - 1996. - 13-19 июня - с 11.

«Травиата» — это мечта о любви, которая ни к кому не приходит

Сезон в Большом театре завершился последней, девятой в этом году премьерой — «Травиатой».

С Владимиром Васильевым, директором и художественным руководителем ГАБТа, беседует наш корреспондент Екатерина Данилова.

— Закончился ваш первый административный сезон в Большом. Довольны ли вы собой?

— Я собой никогда не был доволен. И сейчас, естественно, тоже. Но когда работаешь, о результате не думаешь. Количественно результат большой, а качественно он не всегда тот, к которому стремишься. 80 процентов из того, что хотелось, сделано. Хотя этот сезон был работой на износ. Постоянно так работать просто нельзя.

— Какие из премьер нынешнего сезона кажутся вам удачными и надолго остаются в репертуаре Большого?

— Безусловно, «Хованщина», «Богемы», «Ромео и Джульетта», «Травиата», «Угрошения строптивой». Периодически будут вечера современной хореографии, если будут обновляться.

— Планируете ли вы ставить грандиозные балеты, к которым мы привыкли в Большом?

— Да, конечно. 25 декабря будет «Лебединое озеро».

— В вашей постановке?

— Да. «Травиата» — это тоже грандиозный спектакль. Такой, который, мне кажется, как раз и соответствует труппе Большого театра. Отличия Большого от других мировых музыкальных театров в том, что только Большой может создавать спектакли, в котором на равных участвуют и балет, и оркестр, и хор, и опера. Это театр, которому аналогов нет. Может быть, только Кировский.

В Большом театре — в идеале — должно быть то, чего не увидишь на сцене других театров. Там могут быть очень интересные работы — но по отдаленности опера и балет. А здесь мне хочется как раз объединить все, чтобы спектакли были единым полотном.

— Вы сказали, что этот год был работой на износ. В следующем году темп сохранится?

— Мы поняли, что так долго продолжать не сможем. На художественном совете решили, что просто обязаны выпускать два больших балета в сезон и две большие оперы. И если будут деньги, возможности и силы, то еще и маленькое спектакли. Это в два раза меньше того, что мы сделали в этом году, но в два раза больше того, что было раньше.

— Балетные сцены, которые показывали в нашей «Травиате», перенесены из известного фильма-оперы Дюфурелли «Травиата»? Там вы ведь тоже стали (и танцевали вы) балетными номерами.

— Я мог это сделать, но не сделал. Здесь другое решение. Балетные номера в «Травиате» Большого — это связки, которые необходимы для раскрытия самой сущности произведения. Для раскрытия этой мелодрамы — она красива, хрупка, нежна несмотря на то, что это история падшей женщины... Но история любви, о которой мечтают каждый из нас и которая не приходит ни к кому. Вот эту мечту мы попытались воплотить в спектакле.

— В следующих премьерных ставках делается на молодежь. Скажите, вы довольны стилем Большого?

— Кое-чем доволен. А кто-то меня поражает своей безучастностью.

— Театр перешел на контрактную систему. Вы не правы, думаю, что эта мера была нужна?

— У меня с самого начала были сомнения в том, что без дополнительных финансовых вливаний это даст моментальный результат. Сумма, которая нам нужна, в пять раз превышает бюджетную. Сейчас мы занимаемся поисками средств, чтобы продлить контрактную систему хотя бы еще на год. Пока ведь у нас на контракт

Владимир ВАСИЛЬЕВ

переведены только солисты балета, оперы и административный аппарат. А все остальные получают зарплату, как и раньше. Но отказаться от контрактной системы невозможно. Невозможно жить сейчас оторванно от правил жизни всего мира.

— Как вы думаете, какую главную ошибку совершил Григорович?

— Не Григорович совершил ошибку — а те, кто вынуждал его здесь оставаться. Вообще у власти любому художнику находится долгой неслез. Я знаю точно, что у меня будет точно такой же исход, если я буду долго сидеть в директорском кресле. Вчера вечером я записал для себя: «Не в том беда, что мыслишь о себе велико, беда, когда поверишь, что и впрямь велик». Когда художник очень долго остается у власти, его заставят поверить в свою гениальность. Окружение, которое вокруг него...

— Вы чувствуете этот мизантropical протест?

— Понял, что все чувствуют. Если эти люди честные и талантливые, они обязательно это чувствуют. Их обязательно раздражает каждое слово. Потом они привыкают и любое критическое замечание в свой адрес воспринимают как удар ногой. Особенно от близких людей.

— И сколько же вы собираетесь быть начальником?

— Когда я пришел сюда, я долго думал: какой же период должен быть. Очевидно, три года и три года. Первые три года должны проявить — хороший руководитель или плохой. Если он хороший, то, очевидно, его нужно оставить на второй срок. Но после второго срока, даже если он будет гениальным, — его обязательно освободить. Это будет хорошо и для руководителя, и для труппы. Может быть, потом придет человек, от которого все возмёт и будут просить вернуться старого художника. Или, наоборот, скажут: наконец-то свежие идеи, новое понимание. Может быть, придет человек, который сможет объять необъятное. Хотя я убежден: здесь был хороший руководитель и художником — для себя — невозможно. Большой — это не труппа синематографистов. Сам творческий потенциал огромный, настолько здесь разные люди... Я уже привык относиться к чему-то недовольству спокойно. Первое время для меня это было просто ужасно. Я думал: ну как же так? Я же вам отдаю всего себя, я хочу, чтобы все было хорошо, а не получаю. Все равно вы недовольны, все время ищите подвоха в моих формулировках, сомневаетесь в моих убеждениях. Сейчас я понял, что доказывать могу только тем, что буду делать... Большой — это ниператорский театр. Тут скандалы были всегда и будут. Но через прессу и выяснять отношения никогда не буду.

— Собой как художником вы довольны?

— Я не был и никогда не буду доволен. Хотя думаю, что я все-таки человек талантливый. Сейчас мне радует, когда я вижу хорошие результаты у других. Когда я просто был художником, я был эгоистом чрезвычайным. Неудача какого-то конкурента доставляла мне удовольствие: вот он провалился, в у меня что ни работа, то успех... Сейчас не то. Меня огорчает, когда у кого-то из наших артистов неудача.

— Кто из «звезд» мировой величины будет приглашен в Большой?

— У нас уже были переговоры с Питером Устиновым. В сентябре 97-го он должен ставить

«Любовь к трем апельсинам». Есть договоренность с Андреем Михалковым-Кончаловским.

— У театра будет возможность поделить по мировым расценкам?

— Будем искать деньги. А что делать? Это же не наши русские художники. Андрей должен был делить у нас «Кармен». Но ни сентиментальный денга у нас нет самого главного. У нас очень много папи, но Кармен нет. Будем искать. Может быть, это будет не «Кармен», а «Аида». Или какое-то другое классическое произведение, которое просто обязано быть на сцене Большого театра. Когда мы решили ставить «Травиату», я обратился с предложением к Дюфурелли. Я сам с ним работал и знаю, насколько это интересно, знаю его театральную версию «Травиаты». Но ответа не получил. А сейчас я уже рад, что сделал «свою» «Травиату».

— Когда видеокассеты с записями спектаклей Большого театра будут продаваться по всему миру?

— Когда у нас будут достойные постановки. Сейчас главная задача — обновлять репертуар. То, что мы сделали с «Ромео и Джульеттой», мне кажется правильным. Все тогда новое дыхание, новая кровь влилась в этот спектакль. Будет вторая сцена (она уже строится), отдадим ее под экспериментальные работы. Даже не экспериментальные, а работы новые, новых форм и, может быть, новых форм. Это не значит, что у главной сцены постоянно будут громоздкие спектакли. Это же как тяжелая пища. Она может быть очень вкусной, но есть опасность несварения желудка. И потом мы сами научим убавлять от этой громоздкости, обилия нарядов. Все-таки все зависит от ритма, который является основой любой жизни.

— Когда и куда вы поедете в отпуск?

— Я мечтаю об этом. Я думаю, что я поеду с 1 июля. Но пока не получается. Сейчас у меня отпуск — это просто переключение на другую работу. Надо готовить «Лебединое озеро». У меня будет только полтора месяца на подготовку к работе.